

СОВЕТСКО-КИТАЙСКИЙ КОНФЛИКТ

60-е — начало 80-х годов

Николай Павлович РЯБЧЕНКО,
научный сотрудник Института истории ДВО РАН

Статья вторая*

СИСТЕМНЫЙ ХАРАКТЕР КОНФЛИКТА

Китай и Россия исторически являются государствами системного типа, то есть такими, которые охватывают обширное геополитическое пространство, ограниченное естественными рубежами, и состоят из множества этносов, находящихся под эгидой одного из них. В прошлом они были мощными империями с традициями мироцентристского сознания и большими амбициями («Среднее государство», «Третий Рим»). Системное государство — это как бы действующая модель мира, и главное ее отличие от оригинала в том, что она создается как противостоящая остальному миру, а потому сравнительно замкнутая система. Постепенно вырабатываются механизмы компенсации этой замкнутости: возникает полузависимая периферия; внутри страны источником движения являются межэтнические и межрегиональные противоречия; время от времени возникают войны с внешними противниками. В условиях традиционного доиндустриального общества такие государственные образования были очень устойчивыми и долговечными.

СССР был создан как ярко выраженное системное государство — прообраз будущего всемирного союза советских республик. Возникший после второй мировой войны «социалистический лагерь» расширял поле деятельности Советского Союза и давал ему возможность частично преодолеть прежнее изолированное положение. Но в «лагере» оказались еще два системных государства — Югославия и Китай, что усложняло ситуацию. Попытка оказать нажим на Югославию привела к полному разрыву с ней, и это послужило уроком для Москвы. С КНР она с самого начала старалась быть более сдержанной, понимая исключительно важное значение этой крупнейшей страны мира для укрепления «социалистического лагеря». Однако совсем избежать трений в отношениях между двумя странами было невозможно — Китай совершенно не подходил на роль младшего партнера, хотя сам почтительно называл Советский Союз «старшим братом». Для него, как и в прошлые века, более естественным и привычным было чувствовать себя великой державой и даже центром мира.

Самостоятельная позиция КНР в отношениях с Советским Союзом постоянно ощущалась и вызывала беспокойство в Москве¹. Самым крупным вопросом, по которому разошлись позиции сторон, была оценка деятельности Сталина. Если XX съезд КПСС делал акцент на критике культа его личности, то официальный Пекин предпочел более взвешенную оценку — баланс заслуг и ошибок. Это была выигрышная во всех отношениях позиция. Она демонст-

* Статья первая — в журнале №2 за 1998 г.

рировала стремление Пекина к справедливости, осторожность в отношении со «старшим братом» и одновременно была проявлением самостоятельности. В действительности реакция Пекина была более острой. Мао Цзэдун считал недопустимым выступать против вождя партии, так как сам был таким же вождем, его даже называли китайским Сталиным. Особо тяжкую вину Хрущева он видел в том, что тот выступил против своего патрона, благодаря которому поднялся к вершинам власти. Вред разоблачительной речи Хрущева на XX съезде состоял, по его мнению, и в том, что она была на руку американскому империализму. Поэтому, несмотря на давнюю неприязнь к «отцу народов», Мао Цзэдун занял позицию его сторонника².

В целом отношение Мао Цзэдуна к Советскому Союзу стало более критическим. Начался поиск новых рациональных и более эффективных, чем в СССР, путей и методов развития страны. Как неправильную он отвергал точку зрения некоторых китайских товарищей, полагавших, что без советской поддержки строительство социалистического Китая невозможно³.

Дух товарищества и солидарности, присущий коммунистической идеологии, был сильным побудительным фактором, сдерживающим разногласия и стимулирующим стремление двух стран к тесному взаимному сотрудничеству. Воплощением этого духа стал феномен китайско-советской дружбы, которая, казалось, будет нерушимой и вечной. В Пекине часто говорили о верности дружбе с Советским Союзом. Москва также не оставалась в долгу и всячески старалась выделить КНР среди других социалистических стран. При их перечислении Китай всегда называли первым. В 1955 г. на сессии Верховного Совета СССР В.М. Молотов, говоря о «социалистическом лагере», возглавляемым Советским Союзом, уточнил, что вернее будет сказать «Советским Союзом и Китайской Народной Республикой»⁴.

На совещании коммунистических партий в Москве в 1957 г. советское руководство, надеясь, что это понравится китайской стороне, предложило ей пойти на своеобразное «разделение труда» и заняться установлением тесных связей со странами Азии и Африки. Но Мао Цзэдун отклонил это предложение, заявив, что КПСС — партия Ленина, ее кадры понимают марксизм наиболее глубоко, и она должна быть единственным центром международного коммунистического движения. Летом следующего года во время визита в КНР Н.С. Хрущев еще раз высказал эту идею, но она была отвергнута под тем предлогом, что это будет похоже на раздел «сфер влияния» и может быть истолковано как вмешательство во внутренние дела других стран⁵.

Опыт коммунистического движения свидетельствует, что «разделение труда» — недостижимая цель. Каждый раз, когда пытались осуществить его на практике, вся власть довольно скоро оказывалась в одних руках. Так было не только во всех социалистических странах, но и в самом «лагере». Еще до образования КНР роль главного союзника Москвы играла Югославия, ее особое положение также всячески подчеркивалось, пока все не окончилось разрывом, и она не оказалась вне «лагеря»⁶. Причина такого поворота событий не столько в конкретных обстоятельствах или намерениях отдельных лидеров, сколько в тотальности исключавшего плюрализм марксистского учения, на базе которого создавались партии, государства и строилась вся политика.

С другой стороны, сохранение единства «социалистического лагеря», когда в нем оказалось такое мощное государство системного типа, как Китай, становилось все более проблематичным. От большинства других стран «социалистического лагеря» его отличало настойчивое стремление самому разобраться в проблемах мирового развития и проводить самостоятельный политический курс.

Кроме вопроса об оценке Сталина в Пекине критически относились к идеям XX съезда КПСС о мирном сосуществовании государств с различным социальным строем и продолжали стоять на воинственных революционных позици-

ях. Как отступление от пути Октября и ревизия положений марксизма-ленинизма о государстве и революции была расценена идея мирного перехода от капитализма к социализму⁷. Критика сталинского тезиса об обострении классовой борьбы при социализме, явно ошибочного, с точки зрения советских коммунистов (особенно в связи с теми жертвами, к которым привело его осуществление в СССР), также вызвало недовольство их китайских товарищей, считавших классовую борьбу необходимой и оправданной, а жертвы не такими уж большими.

Радикальную позицию Пекина можно было бы расценить просто как «детскую болезнь левизны», избежать которой не удалось ни одной стране, где к власти пришли коммунисты. Но в Китае эта «болезнь» затянулась на несколько десятилетий и раскрылась как более значительное явление.

Ортодоксальное следование марксизму требовало постоянно держать в поле зрения его основополагающие идеи, углубляться в теорию. Мао Цзэдун был склонен к философствованию. Стремясь к более глубокому научному познанию окружающего мира с целью его революционного преобразования, он исходил из того, что точка зрения практики является первой и основной в теории познания в диалектическом материализме⁸. В действительности же практика рассматривалась им довольно узко, в основном как опыт, приобретенный КПК в революционной борьбе, а то и вовсе игнорировалась.

Так, речь Мао Цзэдуна «К вопросу о правильном разрешении противоречий внутри народа» (1957 г.) была произнесена и опубликована в связи с реальным практическим поводом — неудачей кампании «ста цветов» и обострением внутреннего положения в стране. В ней была поставлена задача, используя проверенный в условиях Янъани метод «сплочение — критика — сплочение», укрепить единство китайского народа. В качестве коренной проблемы, особенно для интеллигенции, была названа проблема перемены сознания, а противоречия между объективными экономическими законами и субъективным познанием предлагалось решать как противоречия между людьми, которые «сравнительно правильно» и которые «сравнительно неправильно» отражают объективные законы⁹. При таком подходе практика вообще выпадала из поля зрения, и получалось, что в основе деятельности лежат правильные, научно выверенные идеи, а главная трудность — лишь в их познании и усвоении. Когда речь была опубликована, этот перекокс не очень бросался в глаза, но дальше он стал устойчивой и отчетливо выраженной тенденцией, что позволяет рассматривать его как проявление фундаментализма — настойчивого стремления, не считаясь с реальностью, переделать общество, да и весь мир в соответствии с «правильными идеями».

Полная уверенность в своей правоте позволяла Пекину смело и решительно высказываться по общим для всего мирового коммунизма проблемам. Особенно шокирующими были рассуждения Мао Цзэдуна на московском совещании коммунистических партий в 1957 г. о том, что не следует бояться войны, даже ядерной, и тех огромных потерь, исчисляемых сотнями миллионов человек, которые придется понести для достижения победы. Он считал, что наибольшую опасность представлял «ревизионизм» в рядах революционеров, а не атомная бомба — этот «бумажный тигр» империализма.

Не встретив поддержки среди коммунистических партий, Китай сам стал активно выступать с радикальных революционных позиций. Была усилена критика американского империализма и югославского «ревизионизма». Чтобы помешать начавшемуся советско-американскому сближению, была предпринята военная провокация в Тайваньском проливе. При этом преследовалась и другая цель: используя внешнюю опасность, мобилизовать народ на создание «народных коммун» и на осуществление «большого скачка» в коммунизм¹⁰.

Следует отметить, что «большой скачок» возник не без советского влияния. После того как в 1936 г. в СССР было объявлено о полной победе соци-

ализма, коммунизм здесь стали считать делом ближайшего будущего. Вторая мировая война отодвинула достижение этой цели, но затем о ней снова стали вспоминать все чаще, особенно в связи с экономическим и социальным подъемом середины 50-х годов. Официальная пропаганда тогда утверждала, что «построение коммунистического общества в нашей стране уже не далекая, а непосредственная практическая цель всей современной деятельности советских людей и их руководящей силы — Коммунистической партии Советского Союза»¹. В области экономики в качестве важнейшей ставилась задача догнать и перегнать наиболее развитые капиталистические страны. Осенью 1957 г. Мао Цзэдун, находясь в Москве и будучи под впечатлением запуска первого советского спутника, предложил конкретные цели для обеих стран в соревновании с Западом: по производству стали Советскому Союзу за 10 лет догнать США, а Китаю за 15 лет — Англию². После возвращения на родину он занялся осуществлением этой идеи. Причем речь уже шла не только о стали, но и других важнейших видах промышленной продукции, а срок был сокращен до нескольких лет.

В период «большого скачка» Мао Цзэдун по-новому осмыслил возможности своей страны и ее положение в мире. Он считал, что китайский народ обладает наибольшим революционным потенциалом, и сравнивал его с чистым листом бумаги, на котором можно писать самые красивые иероглифы. Китай он стал рассматривать в качестве нового центра мировой революции³. Естественно, это негативно сказывалось на отношениях между Пекином и Москвой. Постепенно накапливалось взаимное недовольство по самым разным поводам.

Стремясь разрядить обстановку, советская сторона в начале 1960 г. предложила провести встречу на высшем уровне. Мао Цзэдуна пригласили посетить Советский Союз с дружественным визитом. Однако Пекин предпочел выяснить отношения на более широкой арене. С этой целью в китайской печати к 90-летию В.И. Ленина были опубликованы статьи, объединенные затем в сборник «Да здравствует ленинизм!», в которых вновь отстаивались прежние позиции КПК по основным вопросам коммунистического движения, о войне и мире, была поднята тема «современного ревизионизма». Чтобы погасить разрастающийся конфликт, Мао Цзэдуна вновь и опять безуспешно пытались пригласить в Москву.

Тогда было решено воспользоваться возможностью встречи с китайскими представителями на Ш съезде Румынской рабочей партии. Но в Бухаресте не удалось заставить китайцев отказаться от их взглядов. Явно с целью оказать давление на строптивого «брата» в июле 1960 г. было объявлено об отзыве всех советских специалистов из Китая. Пекин же продолжал стоять на своем, рассматривая собственную позицию еще и как отстаивание независимости и самостоятельности. В сентябре на переговорах представителей КПК и КПСС в Москве Дэн Сяопин заявил, что КПК никогда не примет отношений с советской стороной как с партией-отцом и государством-отцом, что китайский народ полон решимости справиться с трудностями, которые повлек за собой отзыв советских специалистов, и строить свое государство⁴.

Дальнейшие события показали, что Пекин не собирается отступать с крайне левых позиций. В январе 1962 г. на расширенном рабочем совещании в ЦК КПК, посвященном обобщению опыта работы за 12 лет со времени образования КНР и особенно последних 4-х лет, на котором присутствовало более 7 тыс. чел., Мао Цзэдун повторил прежние политические установки о классовый борьбе, диктатуре пролетариата и угрозе ревизионизма. Центральным пунктом его речи был вопрос о познании объективного мира. В качестве примера он сослался на революционную борьбу китайских коммунистов, в ходе которой они, пройдя через победы и поражения и обобщив полученный опыт, смогли познать Китай как объективный мир. Предлагалось брать на вооружение

приемы и методы, которые использовались в ходе кампании «по исправлению стиля работы» («чжэнфэн») в 1942—1945 гг. Причем главная ценность этой кампании и ее методов виделась в том, что они помогали достичь единства в познании проблем, которые стояли перед партией. Недооценка значения политических методов, в частности демократического централизма, могла, по мнению Мао Цзэдуна, привести к ужасным последствиям: без высокого уровня демократии не будет высокого уровня централизма, а без него нельзя создать социалистическую экономику, и тогда Китай станет ревизионистским, фактически буржуазным государством, пролетарская диктатура превратится в буржуазную и даже в реакционную диктатуру фашистского типа.

Принципы и методы внутренней политики Мао Цзэдун переносил на международную арену. Переоценивая значение политического сознания и политической воли, он считал, что в мире более 90% народных масс являются революционными и могут поддерживать марксизм-ленинизм, сознательность их растет, и поэтому мировая революция победит. В СССР власть в партии и государстве якобы захватили ревизионисты, но их господство не будет долгим, так как широкие массы народа, партии и кадровых работников являются «хорошими» и «стремятся к революции». У Советского Союза надо продолжать учиться, изучать положительный и отрицательный опыт, а к советскому ревизионизму относиться как к своему негативному учителю¹⁵.

Из выступления Мао Цзэдуна следовало, что именно Китай, а не его оппонент СССР придерживается верного, по-настоящему революционного курса. После временных неудач предстояло вновь взяться за его осуществление и таким образом еще раз доказать его правильность и подтвердить роль КНР как нового центра мировой революции.

Ситуация как во внутренней, так и во внешней политике складывалась весьма непростая. В стране еще не до конца были преодолены разрушительные последствия «большого скачка», поэтому власти вынуждены были отступить от крайностей «коммунистического поветрия» и дать людям больше возможности работать на себя, а не на государство. Но как только положение в экономике улучшилось, возникло опасение, как бы крестьяне основной собственнический социальный элемент, не склонились к «капитализму». Для борьбы с такими нежелательными тенденциями в 1963 г. сначала в деревне, а позже и в городе было развернуто «движение за социалистическое воспитание» или «четыре чистки» (идеологическая, политическая, организационная и экономическая). В качестве образца для подражания начали пропагандировать сельскохозяйственную производственную бригаду Дачжай в провинции Шаньси, которая, действуя по принципу опоры на собственные силы, старалась как можно больше производить, поменьше потреблять и не просить помощи у государства. В промышленности в пример ставились Дацинские нефтепромыслы, где рабочие кроме своих прямых обязанностей должны были заниматься еще и сельскохозяйственным трудом, обеспечивая себя продовольствием. Но у Дацина и Дачжая оказалось очень мало последователей. Экономика постепенно восстанавливала структуру, методы организации и управления, аналогичные тем, что практиковались в «ревизионистском» Советском Союзе. Таким образом, противоречия между идеалом и реальностью были налицо. Они продолжали обостряться и вылились в скрытую борьбу двух противоположных тенденций и их лидеров — Мао Цзэдуна и председателя КНР Лю Шаоци.

Мао Цзэдун и его сторонники были оттеснены от решения хозяйственных вопросов, но сохранили свои позиции в сфере идеологии и в армии. НОАК стала полигоном для новых идеологических кампаний — изучения идей Мао Цзэдуна, учебы у образцового солдата Лэй Фэна и др., которые затем распространялись на всю страну. (Именно в армии в 1964 г. впервые появились цитатники высказываний Мао — магические красные книжечки «культурной револю-

ции»). Лю Шаоци и Дэн Сяопин всячески пытались спустить на тормозах (и в значительной степени это им удалось) основную идейно-политическую кампанию — «движение за социалистическое воспитание». Но позиции сторонников левого курса оставались достаточно прочными. Во-первых, огромная экономическая власть, по-прежнему сосредоточенная в руках государства, была чревата соблазном новых «скачков». Во-вторых, и это не менее важно, под контролем левых продолжалась разработка теоретических основ политики.

В 1963—1964 гг. в стране прошла дискуссия о «раздвоении единого», которая была направлена в русло абсолютизации противоречий и их борьбы¹⁶. Реальное «раздвоение единого» происходило и в китайско-советских отношениях, причем наиболее острые разногласия вызвали вопросы теории и практики марксизма.

Полемика между правящими партиями двух стран была уже в полном разгаре, когда летом 1963 г. Пекин выступил с «Предложениями о генеральной линии международного коммунистического движения». В них был сделан акцент на идеях классовой борьбы, резко критиковались ошибочные, с точки зрения Пекина, взгляды, связанные с недооценкой основных противоречий современного мира. Весь пафос этого пространного документа был направлен против американского империализма и ревизионизма. В частности, утверждалось, что США, используя агрессивные методы, стремятся создать между Америкой и «социалистическим лагерем» «промежуточную зону», чтобы ликвидировать там революционные движения и начать наступление на социалистические государства, уничтожить их, а все народы мира превратить в рабов монополистического капитала. В этой зоне, особенно в странах Азии, Африки и Латинской Америки, сосредоточены противоречия современного мира. Борьба народов этих стран имеет большое значение для ослабления империализма и защиты мира, а отношение к ней является пробным камнем, который позволяет отличить подлинных революционеров от тех, кто поддерживает силы агрессии и войны.

«Социалистический лагерь» и международный пролетариат являются центром создания широкого единого фронта борьбы против империализма, но главная опасность, которая при этом подстерегает, — ревизионизм, отступление от революционных принципов марксизма. В качестве примера ревизионизма названа Югославия, но основной огонь критики явно был направлен против советских руководителей, как еще более опасных отступников, не признающих марксистских положений о необходимости вести классовую борьбу вплоть до победы коммунизма, пропагандирующих мирный переход к социализму, чего на практике никогда не было, мирное сосуществование и соревнование с капиталистическими государствами, какие-то абсурдные идеи «общенародного государства», «всенародной партии». В «Предложениях» отразились и некоторые моменты прежних споров с Москвой. Так, вновь была подтверждена необходимость для социалистических стран развивать экономику путем опоры на собственные силы и на основе независимости и самостоятельности. В ответ на утверждение «некоторых людей», что главной опасностью является догматизм, было заявлено, что угроза «какого-то догматизма» не сравнима с ревизионизмом, с которым китайские коммунисты вместе со всеми марксистами-ленинцами будут вести бескомпромиссную борьбу¹⁷.

Фактически Пекин выступил с собственной программой для мирового коммунизма. Это был еще один вызов «старшему брату». Разногласия окончательно обозначились. Китайская сторона исходила из того, что империализм и капитализм находятся в упадке, 2/3 населения мира стремятся совершить революцию, 1/3 (народы, ставшие на путь социализма) хотят довести ее в своих странах до конца. Но как СССР, поддерживавший в отличие от КНР широкие и разнообразные связи с Западом, мог выступать за окончательное разрешение противоречий капиталистического общества путем осуществле-

ния там пролетарских революций и установления диктатуры пролетариата? Не было смысла отказываться и от компромиссов с западным миром в вопросах разоружения. Также совершенно нереальным был возврат к практике разжигания классово́й борьбы в социалистических странах.

Появление «Предложений» ухудшило отношения между двумя странами. Опасаясь, что основанные на марксизме левые идеи могут найти последователей, Москва попыталась не допустить распространения в СССР китайских пропагандистских материалов. Последовал ряд связанных с этим эксцессов, обмен дипломатическими нотами, некоторые китайские дипломаты и студенты были высланы на родину. Потом за меньшее зло сочли все же опубликовать данный документ, сопроводив его «Открытым письмом партийным организациям, всем коммунистам Советского Союза» в качестве комментария. В ответ в КНР началась новая волна критических публикаций о политике советского руководства.

Из-за крайней левизны выдвигаемых идей, а также сохраняющегося авторитета Москвы среди «братских партий» и ее косвенного контроля над ними Пекин смог получить открытую поддержку своей позиции лишь среди маргиналов коммунистического движения. Это Албания, надежно отделенная от остального «социалистического лагеря» «ревизионистской» Югославией, насколько не пользующихся влиянием в своих странах коммунистических и социалистических партий и отколовшиеся от уже имеющихся или созданные заново с помощью Китая «марксистско-ленинские» компартии.

Более широкие возможности открывались для Пекина в «третьем мире». Подъем национально-освободительного движения, казалось бы, подтверждал, что это «зона бурь». Многие из возникших здесь государств и революционных движений по тем или иным причинам были склонны к сближению с КНР. Наиболее тесные отношения у нее сложились с Индонезией. Даже вынашивался совместный проект создания «революционной ООН»¹⁸.

Смена руководства в Москве в октябре 1964 г. давала некоторые шансы улучшить отношения с СССР. И если этого не произошло, то главным образом потому, что разногласия между двумя странами уже давно вышли за рамки двусторонних отношений. Каждая из них выступала уже как представитель определенной тенденции (СССР — «научного социализма» или, по оценке его противников, «ревизионистской тенденции», КНР — леворадикальной фундаменталистской), имела собственную обоснованную и широко распропагандированную позицию, которую не собиралась менять, и пользовалась поддержкой своих сторонников среди зарубежных компартий. Все более очевидно дело шло к полному расколу не только «социалистического лагеря», но и всего коммунистического движения. Поскольку соотношение сил в нем было не в пользу КПК, то Пекин, чтобы не ставить себя под удар, в феврале 1965 г. выступил категорически против проведения международного совещания коммунистических и рабочих партий не только через 4—5 лет, как он сам же недавно предлагал, но и через 8—10 лет¹⁹. Когда же через месяц, в марте 1965 г., в Москве без участия Китая и еще 6 стран состоялась консультативная встреча «братских партий» по подготовке такого совещания, это вызвало негативную реакцию с его стороны. Встреча была расценена как угроза единству мирового коммунистического движения. В эти же дни взаимное раздражение и неприязнь двух «братьев» вылились в конфликты с китайскими студентами в Москве и антисоветские митинги протеста в КНР.

Крайне опасный оборот приняли китайско-американские отношения. Эскалация вьетнамской войны привела к тому, что военная угроза приблизилась к границам КНР. Тогда Пекин, продолжая на словах выступать за продолжение борьбы с американским империализмом методами «народной войны», поспешил довести до сведения США информацию об умеренности своей позиции и готовности к сдержанности.

Наконец, сильнейший удар по планам Пекина был нанесен в Индонезии. В результате неудачной попытки переворота там была разгромлена коммунистическая партия, и Китай потерял своего наиболее значительного союзника.

Внешнеполитические неудачи 1965 г. завершили пятилетний период особенно активной деятельности Пекина на международной арене, который показал, что Китаю так и не удалось стать ни новым центром «мировой революции», ни силой, способной успешно противостоять Западу, этому «бумажному тигру». Чего добился Пекин, так это значительного ухудшения своего международного положения. На севере и западе кроме общей напряженности в отношениях с СССР постоянным раздражителем стал поднятый китайской стороной вопрос о границе. То же произошло на юге, в отношениях с Индией. Сохранялась угроза столкновения с США в районе Северного Вьетнама и Тайваньского пролива, а также, что особенно беспокоило китайских лидеров, нанесения Америкой превентивных ракетных ударов по атомным центрам КНР. Поэтому пришлось срочно заняться укреплением безопасности и форсировать создание в глубине страны крупнейшего военного и промышленного комплекса — «третьей линии обороны».

Единственная цель, к которой сознательно стремились в Пекине и которая была достигнута, — независимость от «старшего брата». В 1965 г. Советскому Союзу были выплачены все долги. К этому времени экономические связи КНР были переориентированы на Запад. Контакты с КПСС были фактически прерваны.

Изменения, произошедшие в отношениях между двумя странами, означали раскол «социалистического лагеря». С другой стороны, это было закономерным следствием развития созданной Советским Союзом системы государств.

К началу 60-х годов «социалистический лагерь» достиг определенного рубежа. Его территориальное расширение прекратилось. Темпы роста экономики оставались высокими, но в большинстве случаев это было связано с ее низким исходным уровнем. По многим отраслям сохранялось техническое и технологическое отставание от Запада, так как оказалось невозможным самостоятельно в полной мере компенсировать научно-технический потенциал, которым обладала наиболее развитая часть мира. Советский блок стал все сильнее ощущать ограниченность своих возможностей и испытывать потребность в широком международном сотрудничестве.

Н.С. Хрущев пытался навести мосты с Западом, в том числе с Соединенными Штатами, но вскоре вынужден был отступить. Обособление «социалистического лагеря» зашло уже слишком далеко. Легче было вернуться на прежние позиции, чем продвигаться вперед.

Неожиданная перемена в отношениях между восточным и западным блоками произошла в 1960 г. На проходившем 4 февраля в Москве совещании Политического консультативного комитета Организации Варшавского Договора с участием наблюдателей КНР и других социалистических стран Азии была принята декларация с призывом к государствам Запада последовать примеру Советского Союза, в одностороннем порядке сократившего свои вооруженные силы, и подтверждена готовность к обсуждению Договора о всеобщем и полном разоружении²⁰. А в начале мая Н.С. Хрущев, воспользовавшись инцидентом с американским самолетом-шпионом, вновь пошел на конфронтацию с Западом. Кроме конкретного повода для этого было достаточно веских причин²¹. Среди них — и китайский фактор. Советско-китайские отношения стремительно ухудшались. Одним из основных пунктов разногласий было отношение к империализму. Как показала последовавшая затем полемика между КПСС и КПК, советское руководство очень дорожило антиимпериалистическим имиджем²². И в данном случае оно не могло упустить возможность продемонстрировать его своему революционно настроенному союзнику²³.

Хрущевский демарш положил начало новому витку «холодной войны». В 1961 г. разразился берлинский кризис, в 1962 г. еще более тяжелый — карибский. Для «социалистического лагеря» это означало усиление изоляции от внешнего мира. Конечно, предпринимались попытки как-то поправить создавшееся положение. Советский Союз активизировал свою политику в странах Западной Европы. У СССР и КНР появились новые друзья и союзники в «третьем мире». Но все это принципиально не меняло ситуацию: социалистический мир оставался замкнутой, отгороженной от других государств «железным занавесом» системой.

В сложившейся обстановке нужны были какие-то новые идеи, долговременные цели, спланирующие «социалистический лагерь» в его противостоянии капиталистическому миру. Такие цели и идеи были выдвинуты. В 1961 г. в СССР была принята новая Программа КПСС, в которой на ближайшие 20 лет ставилась задача построить коммунистическое общество и таким образом победить капитализм в мирном экономическом соревновании. Советский Союз как лидер брал на себя самую трудную обязанность — в кратчайшие сроки превзойти США по основным экономическим показателям.

Переориентация на новый подход в достижении стратегических целей мирового коммунизма видна даже в терминологии. Привычное сочетание «социалистический лагерь» было заменено на «социалистическое содружество»²⁴. Тем самым подчеркивался мирный, созидательный характер этого объединения государств, что шло вразрез с позицией Пекина.

В тексте Программы КПСС хорошо видны следы разногласий между двумя коммунистическими партиями. С оговорками, как явная уступка оппоненту, там упоминается о возможности немирного перехода к социализму, о классовой борьбе и диктатуре пролетариата при социализме, о «мировой деревне». Присутствует даже воинственный пассаж о том, что народы не потерпят развязывания агрессорами новой мировой войны, «сметут и похоронят империализм». Параллельно этому разворачивается критическая линия с осуждением «догматизма», «сектантства». Указывается на необходимость применять «ленинские принципы и методы хозяйствования». Как прямая критика китайского курса «опоры на собственные силы» выглядит заявление о том, что курс на изолированное, обособленное от мирового содружества социалистических стран строительство социализма несостоятелен в теоретическом отношении, вреден в экономическом плане и опасен в политическом²⁵.

Новая Программа КПСС была тщательно выдержана в духе интернационализма, заботы об интересах всего социалистического мира. Вместе с тем она служила обособованием ведущей роли СССР. Ни о каком совместном с КНР лидерстве речь больше не шла, хотя и подчеркивалось «особенно большое значение» победы революции в Китае. Всесторонне и высоко оценивался опыт СССР, где партия оказалась «на высоте исторической задачи» строительства социализма. Продвижение Страны Советов к коммунизму КПСС рассматривала как свою новую ответственную миссию всемирно-исторического значения. Советский Союз должен был стать опорой для стран, еще не завершивших строительство социализма, оказывать им помощь и поддержку. Все вместе они могли пользоваться преимуществами, которые им давало сотрудничество в рамках социалистической системы²⁶.

Дальнейшие перспективы «содружества» в Москве связывали с укреплением Совета Экономической Взаимопомощи (СЭВ). В рамках этой организации быстрыми темпами развивались кооперирование и специализация производства. На втором совещании коммунистических и рабочих партий стран — участниц СЭВ (июнь 1962 г.) были не только определены главные направления, содержание и формы сотрудничества, но и поставлена цель, совпадающая с установкой новой Программы КПСС: создание материальной базы «для бо-

лее или менее одновременного, в пределах одной исторической эпохи, перехода к коммунизму»²⁷. На очередной сессии СЭВ в устав организации были внесены изменения, позволяющие неевропейским странам становиться ее членами. Первой была принята Монголия. Что касается Китая, то он не собирался воспользоваться такой возможностью. В январе 1964 г. в интервью американской журналистке Анне Луизе Стронг Мао Цзэдун заявил: «Проблема с социалистическими странами состоит в том, что Хрущев хочет заставить их создавать одностороннюю экономику, отвечающую потребностям Советского Союза. Трудно быть сыном патриархального отца»²⁸.

Сравнение СССР с патриархальным отцом семейства верно схватывает суть проблемы, но требует некоторых уточнений. Для патриархального отца на первом месте всегда сохранение и укрепление своей семьи, а не какие-то корыстные соображения. У Советского Союза была сходная задача. Надо было устоять в противоборстве с Западом, и все было подчинено этому. В том числе распределение обязанностей в «семье», которая строилась в зависимости от потребностей военно-промышленного комплекса, уже вышедшего за пределы СССР. В ГДР были созданы крупнейшие урановые разработки. Существенным стал вклад Чехословакии — традиционного производителя оружия, а также других стран-участниц Варшавского Договора. Однако наибольшие усилия в укреплении военного потенциала «содружества» приходилось прилагать самому Советскому Союзу. Расплачиваться за это приходилось усилением дефицита продукции гражданского назначения, особенно потребительских товаров. Восполнить дефицит пытались за счет импорта из социалистических стран на достаточно выгодных для них условиях. Отсюда и возникала некоторая «односторонность» экономик. Конечно, она не шла ни в какое сравнение с действительно односторонним развитием многих стран, особенно производящих сырье.

Критический настрой Пекина в отношении «патриархального отца» имел еще одну важную и глубокую причину: нарастание противоречий между СССР и Китаем как государствами системного типа. Своими корнями они уходят в далекое прошлое. Когда между двумя странами еще не существовало границы, оба государства с переменным успехом вели соперничество за влияние на обитавшие здесь племена²⁹. После того как граница была установлена, они нередко «заступали» на территорию друг друга³⁰. С конца XIX в. это чаще делала Россия как более сильное в тот период государство. Будь это было лишь проявлением империалистической политики, то со сменой общественного строя в России все должно было бы измениться. Но и после 1917 г. Россия продолжала активно действовать на приграничных территориях. В результате здесь возникли Монгольская, Тувинская, Восточно-Туркестанская республики. Маньчжурия на период японской оккупации выпала из-под советского влияния, но затем оно было восстановлено. После второй мировой войны советское влияние распространилось на Корею и Вьетнам, что также затрагивало сферу традиционных интересов Китая. Поэтому после завершения гражданской войны он начал восстанавливать утраченные ранее позиции. Участием в корейской войне, активной поддержкой народов Индокитая в их антиколониальной борьбе Пекин подтвердил свой прежний статус регионального лидера. Затем он вплотную занялся усилением контроля над национальными окраинами. При этом не обошлось без конфликтов с соседями — Индией и Советским Союзом. То есть теми странами, которые издавна были соперниками Поднебесной за влияние на местные народы. В ходе приграничных столкновений с Индией в 1959 и в 1962 гг. Пекин перед всем миром твердо обозначил свое присутствие в Тибете. С Советским Союзом отношения складывались сложнее.

Как союзник и соратник по «социалистическому лагерю» СССР шел на встречу китайской стороне и к середине 50-х годов отказался от имущественных и арендных прав в Маньчжурии и Синьцзяне. Но там оставалось довольно

много постоянно проживавших в КНР советских граждан — не только русских, но и казахов, уйгуров, представителей других национальностей. С ухудшением отношений между двумя государствами они оказались в незавидном положении и вынуждены были почти все выехать из страны. Тогда же стали возникать трения по пограничным вопросам. После вооруженных столкновений на границе в 1969 г. конфликт перешел на стратегический уровень и дальше сопровождался попытками противников привлечь на свою сторону любых возможных союзников вплоть до ненавистного им «американского империализма».

Примечательно, что дальнейшая борьба развернулась не непосредственно между самими непримиримыми противниками, а на их периферии (в «промежуточной зоне», как сказал бы Мао Цзэдун). Во второй половине 70-х годов в советско-китайских отношениях даже была предпринята попытка разыграть хорошо известную из китайской истории схему вертикальных и горизонтальных союзов. СССР — Вьетнам, Лаос, Камбоджа; КНР — Албания, Румыния, Югославия. Как известно, СССР оказался более успешным игроком³¹.

Подтверждением особой значимости периферийного окружения для безопасности государств системного типа стало выдвинутое Пекином уже в ходе нормализации китайско-советских отношений категорическое требование к СССР устранить «три препятствия»: вывести войска из Монголии, Афганистана и побудить Вьетнам уйти из Камбоджи. Сюда же можно отнести и китайскую инициативу о взаимном отводе войск от российско-китайской границы на 200 км.

Итак, можно выделить три уровня развертывания советско-китайского конфликта: 1) «социалистический лагерь» — остальной мир; 2) отношения в «социалистическом лагере»; 3) двусторонние советско-китайские отношения.

На первом, глобальном, уровне конфликт между двумя коммунистическими гигантами был заметным событием, но существенно не повлиял на положение «социалистического лагеря» как замкнутой, изолированной от остального мира системы государств. Как раз, наоборот, эта замкнутость и стимулировала конфликт в разных его проявлениях, не давая возможности для разрядки накапливающихся внутренних противоречий. Кроме того, территориальная стабилизация «лагеря» выдвигала на повестку дня вопрос, как быть дальше: либо проводить умеренную политику и заняться экономическим соревнованием с Западом, либо решительно идти на конфронтацию с ним и, не считаясь с потерями, добиваться победы? После того, как Москве и Пекину, придерживавшихся этих столь разных подходов, не удалось прийти к общей согласованной позиции, каждый из них стал действовать самостоятельно. Раскол уменьшал шансы на победу и тех, и других. Зато все острее становились взаимная критика и обвинения в ошибочности занятой позиции.

На уровне «социалистического лагеря» системный характер советско-китайского конфликта проявился еще более отчетливо. Решение Пекина идти своим путем раскалывало социалистический монолит до самого основания — на западную часть, экономически и политически тесно сплоченную вокруг СССР, и восточную, в лице Китая, занятого поисками наиболее совершенных и отвечающих местным условиям путей и методов ускоренного продвижения к коммунизму. С точки зрения системного подхода началось раздвоение единой системы на две доминирующие подсистемы. Завершение этого процесса зависело от перехода различий их основных элементов в противоположность³². А все экономические, политические, социальные и другие различия двух стран в то время сосредоточивались вокруг одного центрального пункта: допущение экономических методов в организации и деятельности общества или решительный отказ от них. В Советском Союзе коммунистические отношения рассматривали как идеал, к которому следует стремиться, но пока не спешили отказываться и от экономических методов. В Китае же выступали за скорей-

ший переход к коммунизму и, несмотря на неудачу «большого скачка», не собирались отказываться от задуманного.

Упорство Мао Цзэдуна и его сторонников нельзя понять, не учитывая того факта, что проводимый ими радикальный курс одновременно был продолжением старых китайских традиций борьбы за создание идеального общественного устройства. Из двух путей — конфуцианского и легистского — симпатии Мао были на стороне последнего, и этот выбор был объективно обусловлен. Конфуцианство, в течение многих веков господствовавшее в Китае, оказалось неспособным обеспечить государству необходимую силу и стойкость перед лицом экспансии Запада. Поэтому его авторитет и влияние в обществе к началу XX в. были основательно подорваны. В страну стали проникать республиканские, демократические и социалистические идеи. Но под тонким слоем современных идей продолжали существовать традиционные взгляды и представления. Там, где отступало конфуцианство, повышались шансы легизма. Использование его методов давало возможность в короткий срок создать сильное государство. Стремясь к осуществлению этой цели, Мао Цзэдун в 1958 г. призвал китайское руководство «сочетать при управлении государством К. Маркса и Цинь Шихуана»³³. Позже, в 70-е годы, когда была развернута критика Конфуция и началось безудержное восхваление Цинь Шихуана, активная роль традиционной составляющей в общественной и политической жизни страны стала более чем очевидной. Накал борьбы, разгоревшейся вокруг этих персонажей из далекого прошлого, указывал на то, что это не было простым использованием исторических аналогий в современной политике, а скорее являлось соперничеством сторонников все тех же традиционных подходов к организации государства и общества.

Легистское государство, по строгости порядков напоминающее казарму, и конфуцианское государство-семья кроме внешних признаков отличались своей экономической основой. Для первого было характерно абсолютное доминирование государства в экономике, вплоть до ликвидации частного землевладения. Для второго — широкое допущение частной инициативы при сохранении некоторых традиционных казенных монополий (на чай, соль, железо и др.). Огосударствление экономики легистами сковывало развитие страны, а излишние административные строгости провоцировали недовольство народа. Вскоре наступал закономерный итог — крушение правящего режима. Конфуцианское правление было гораздо более устойчивым, но его подстерегала серьезная опасность: появлялись крупные землевладельцы — «сильные дома», которые оттягивали на себя значительные материальные ресурсы, что вело к разорению деревни, крестьянским восстаниям, ослаблению центральной власти и в конце концов к гибели династии. Чтобы сдержать такое развитие событий, конфуцианцы старались усилить экономическую и властную функции государства, использовали некоторые легистские методы, однако не могли справиться с разрушительной силой частного интереса, с неизбежностью порождающего этих крупных собственников. Таким образом, и для легистов, и для конфуцианцев все упиралось в одну не находящую окончательного решения проблему — отношений власти и собственности. Хотя подавляющее преимущество было на стороне власти. Это было связано с феноменом власти-собственности, потребностью развитого аграрного общества в государственном регулировании экономики и психологией самих китайцев, для которых целое, прежде всего единое сильное государство, гораздо важнее частного, отдельного.

Социализм, пришедший в Китай в XX в., отвергал частную собственность и требовал для своего осуществления сильного, буквально диктаторского государства. Опыт СССР показал китайским коммунистам, что при новом строе может быть достигнуто полное господство власти над собственностью. Но и в современных условиях надо было решать вопрос, значение которого понимали еще древние: найти эффективную универсальную форму организа-

ции народных масс, чтобы государство имело твердую экономическую и социальную опору и не рухнуло как империя Цинь Шихуана. В начале «большого скачка» такая форма была найдена. Ею стали «народные коммуны», вобравшие в себя традиции и опыт прошлого, в частности тайпинского коммунизма в уравнилельной организации масс. В коммунах отсутствие какой-либо частной собственности, а также жесткий идеологический и административный контроль не оставляли не малейшей лазейки для частнособственнических проявлений. Возникающие «внутри народа» противоречия следовало решать по методу, предложенному Мао Цзэдуном («сплочение — критика — сплочение»), и твердо противостоять «врагам народа» — тем, кто подрывал существующий режим. Коммуны создавались по всей стране, и таким образом формировалась однородная и, на первый взгляд, устойчивая структура общества. Казалось, что, наконец, решена проблема его идеального устройства, и это давало повод для критического отношения к опыту «старшего брата».

На уровне двусторонних советско-китайских отношений особый интерес представляет психологический аспект конфликта. Он дает возможность глубже понять и сам конфликт, и этнопсихологию каждой из сторон, а через нее сходство и различие их культур. Но это тема для специального исследования.

Примечание: Статья подготовлена в рамках исследований, проводимых при поддержке Российского научного гуманитарного фонда, проект № 98-01-00416.

¹ Брандт В. Воспоминания. М., 1991. С. 424.

² Ли Чжисуй. Мао Цзэдун: Записки личного врача. Т.1. Минск; Смоленск, 1996. С.148.

³ Ши Чжунцюань. Гуаньюй 1956 чжи 1957 нянь чунъянь ды сыян цзефан да чао — вэй цзиняньши и цзе сань чжун цюань хуэй 10 чжоунянь. О большом подъеме освобождения сознания в 1956 — весной 1957 г. — К 10-й годовщине третьего пленума ЦК КПК одиннадцатого созыва // Синь чанчжэн. Чанчунь, 1989. № 1. С.15.

⁵ Галенович Ю.М. «Белые пятна» и «болевые точки» в истории советско-китайских отношений. Т. 2. Кн. первая. М., 1992. С. 68,86.

⁷ Синь чжунго сыши нянь яньцзю. Исследование сорока лет нового Китая. Пекин, 1989. С.289, 295.

⁸ Мао Цзэдун. Шицзянь лунь. Относительно практики // Мао Цзэдун сюаньцзи. Избранные произведения Мао Цзэдуна. Пекин, 1951. Т. 1. С. 281.

¹⁰ См.: Ли Чжисуй. Указ. соч. Т 1. С. 318—319; The Cambridge History of China. Vol. 14. Taipei, 1989. P. 500.

¹¹ Правда. 1957. 15 сент.

¹² Галенович Ю.М. Указ. Соч. С. 74.

¹³ A Critique of Soviet Economics by Mao Tsetung. N.Y., 1977. P. 36—37.

¹⁴ Чжунхуа жэньминь гунхэго ши. История КНР. Пекин, 1989. С. 242.

¹⁵ «Жэньминь жибао», 1 июля 1978 г.

¹⁶ Ященко Г. Н. Идеологическая борьба в КНР (1957 — 1964). М., 1977. С. 12—13.

¹⁷ Жэньминь жибао. 1963. 17 июня.

¹⁸ Степанов В.С. Индонезия во внешней политике КНР. 1961—1965 гг. // Информационный бюллетень № 98 / Институт Дальнего Востока АН СССР. М., 1977. С. 134.

¹⁹ Борисов О.Б., Колосков Б. Т. Советско-китайские отношения. 1945 — 1977. М., 1977. С. 332.

²⁰ Беньковский В.В., Лойко Л.В. Мировая социалистическая система: Даты, факты, комментарии. М., 1986. С. 122.

²¹ Арбатов Г. А. Затянувшееся выздоровление (1953 — 1985 гг.): Свидетельство современника. М., 1991. С. 90.

²² Там же. С. 98.

²³ Как раз накануне советско-американского инцидента, в апреле 1960 г., в КНР были опубликованы статьи сборника «Да здравствует ленинизм!», в которых остро ставился вопрос об отношении к империализму. Ужесточение советской позиции было с полным одобрением встречено в Пекине. Это давало советской стороне основание надеяться, что отношения с КНР могут быть улучшены на базе общей антиамериканской линии. См.: Zubok V. M. Deng Xiaohing and the Sino-Soviet Split, 1956—1963 // Cold War International History Project Bulletin. Issue 10 (March 1998). P. 156.

²⁴ Программа Коммунистической партии Советского Союза. Принята XXII съездом КПСС. М., 1976. С. 21.

²⁵ Там же.

²⁶ Там же. С. 13, 19, 132—135.

²⁷ Санаков Ш.П. Мировая система социализма: Основные проблемы и этапы развития. М., 1968. С. 195.

²⁸ The Cambridge History of China. Vol. 15. Taipei, 1991. P. 67.

²⁹ См.: Мясников В.С. Империя Цин и Русское государство в XVII веке. М., 1980. С. 114; Артемьев А.Р. Лук князя Гантимура // Вест. ДВО АН СССР. 1990. № 5. С. 157; Хафизова К.Ш. Из истории казахско — китайских отношений в 60-х годах XVII в. («Урянхайское дело») // Восьмая научная конференция «Общество и государство в Китае». Тез. и докл. Ч. 1. М. 1977. С. 225—230.

³⁰ Так, Цинское правительство до 1873 г. продолжало сбор дани с аборигенов Нижнего Амура и Сахалина. См.: Ван Дэхоу. О торговле в местности Саньсин в эпоху Цин // Русские перво-проходцы на Дальнем Востоке в XVII — XIX вв. (Историко-археологические исследования). Владивосток, 1998. Т. 3. С. 89. Пер. и примеч. А.Л. Ивлиева.

³¹ Это наводит на мысль, что навыки восточной дипломатии, полученные нашими предками во времена монгольского ига, когда они волею судеб оказались в одном государстве с жителями Поднебесной, не прошли бесследно.

³² См.: Аверьянов А.Н. Системное познание мира: Методологические проблемы. М., 1985. С. 195—197.

³³ Идеино-политическая сущность маоизма. М., 1977. С. 52.

SUMMARY: The first article of a researcher of the Institute of History, Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences, Nikolay Ryabchenko «The Soviet-Chinese Conflict» was published in the second number of «Russia and the Pacific» for 1998. Now we publish the second article under the same title. It tells about the conflict which was based on system peculiarities. The author analyses the reasons of opposition between the USSR and the Chinese People's Republic, shows the differences of opinion of the leaders of the Communist parties of these countries, expresses his attitude to the conflict.